

Вспомнив о жалостливом взгляде, который Хань Янь оставил перед входом, Мэй Чуци бессознательно сжал руку в кулак, его бледное от ужаса лицо было жестоким, сочувствующим мне? Хань Янь, ты сочувствовал мне более десяти лет, а теперь смеешь смотреть на меня такими глазами!

Группа людей медленно двинулась к вершине горы по другой набережной, фонари вели их по дороге, как поток света на снегу.

Ван Сюаньчжи встал, отмахнулся от руки, которая собиралась его накрыть, его лицо потемнело, его взгляд прошелся по лицам сидящих за одним столом с мерцающими глазами, он повернулся и пошел к вершине горы.

Мэй Чуци? Какая смелость, Хань Янь, тебя действительно собрал приемный сын!

Вокруг горы был построен променад, и чиновники были четко разграничены. Справа сидели те, кто получил повышение в семье Линг, слева - бывшие чиновники и новые чиновники из аристократической семьи.

Увидев Су Се Фань Сяня и остальных, несмотря на препятствия со стороны соседей по столу, они с улыбкой встали и направились к вершине горы, а затем некоторые чиновники снова заняли свои места под руководством слуг в темных одеждах. Улыбка Ван Сюаньчжи стала еще глубже.

"Эти люди, посмотрите на глаза мастера Мэй, как будто..." Он замешкался и взглянул на Су Ваньюнь, лицо которой было совершенно бледным, и служанка не решалась сказать правду.

"Как будто что?" подсознательно спросила Су Ваньюнь с непостоянным взглядом и понурой головой.

Это как смотреть на мертвого человека. Я не смею этого говорить. Более того, черные стражи армии ракшасов и императрица даже не посмотрели на него, полностью проигнорировав. Боюсь, эти слова следует сказать госпоже. Услышав, что господин Демей без разрешения изменил расположение кресел, он нашел слуг, которые только что вошли в дом, чтобы без разрешения вести их за собой.

Он попросил никого не входить на виллу без меча. Дама, которая и так была полна паники в глазах никого не могла прямо упасть в обморок.

"Это все равно, что смотреть на дурака". поспешно проговорила служанка.

Разве он не дурак... Су Ваньюнь лишь на некоторое время почувствовала головокружение, подумав, что ребенок действительно хотел улучшить отношения с Хань Сянем на этот раз, поэтому она скрыла, что Хань Сянь позволил ребенку сделать это от своего имени. Посмотрите, как все устроено. Она была очень довольна расстановкой гостей и просмотром программы меню. Поэтому под явным гневом Хань вчера вечером она отчаянно защищала своих детей, постоянно думая, что сегодня все будут хвалить Хань Яня. Элегантные сцены будут любить и заботиться о ребенке немного больше.

Однако теперь он осмелился кричать в раме императрицы, что Е Ши был тем, кто сказал, что Линь Цинъюй может выхватить меч и убить с плохой стороны, так как же он мог отпустить его?

Неужели этот ребенок глуп? Даже если ты хочешь прославиться, даже если ты хочешь

показать свою силу в стране, полной ученых, как ты можешь выбрать такой путь?

"Юйцинъ, помоги мне приветствовать гостей, а я пойду к вашему величеству". Он вытер слезы вуалью и поспешно сказал Чэн Юйцинъ рядом с ним, Су Ваньюнь встала и хотела уйти.

"Сестра", - схватил ее Чэн Юйцинъ и прошептал: "Не стоит идти в такое время", - огляделась вокруг и сказала более низким голосом: "На улице так много министров, а тестя пристыдили на месте. Если вы пойдете, боюсь, у вас не будет возможности для маневра". У Линь Цинъюй и Гао Лю не было никаких эпизодов. Они по-прежнему смотрели на лицо Хань Мянь. Если Су Ваньюнь подойдет в это время, то Хань Мянь потеряет лицо, так что как он может быть милосердным. ? Кроме того, Линь Цинъюй не должен быть тем, о чем она просила.

Су Ваньюнь был ошеломлен, а затем в панике посмотрел на Чэн Юйцинъ. Облегченно вздохнув, Чэн Юйцинъ сказала: "После банкета, разве ты не хочешь посмотреть театр на заднем дворе?"

В это время вы должны поговорить с вашим величеством или гениальным доктором. Не волнуйтесь, сегодня сороковой день рождения лорда Ханя. Что бы там ни было, Е Шийхэ Е По не допустит, чтобы на дне рождения в это время была кровь".

Прежде чем выйти из машины, Линь Цинъюй все еще был опутан Е одиннадцатью. Он совсем не слышал слов снаружи, поэтому смеялся естественно и счастливо. Он шептал Алану об эlegантности этого места, не замечая, что оно находится на вершине горы с лучшим видом. Лица людей за этими столами не обычные.

С окружающих гор доносилась прекрасная музыка, на склоне горы горел свет, а на снегу танцевали легкие танцовщицы в красном, и прекрасное поведение мгновенно привлекло всеобщее внимание.

Линь Цинъюй не удержался, крикнул "хорошо" и сказал с шуткой: "Хань Мянь, я боюсь, что это Ваньюнь устроила сегодня такую большую сцену? Ты должен хорошо к ней относиться".

Хань Янь неловко улыбнулся, он был уверен, что этот человек не слышал криков Мэй Чуци, и не знал о Гао Лю и других, поэтому его сердце упало еще больше. Если бы Линь Цинъюй знала об этом, ему и Су Ваньюнь было бы лучше умолять, Но она не знала, она не могла взять на себя инициативу, чтобы сказать ей, извините, ваше величество, мой приемный сын притворился, что не узнал вас, и оскорбил вашего святого водителя, это не я Ищите дым.

Более того, ребенок действительно должен заплатить за свои поступки. Боюсь, что эти вещи сегодня не могут быть отделены от прежних чиновников. У них много претензий из-за коррупции. Это использовать руку ребенка, чтобы дать себе предупреждение!

Опираясь на стул, его пальцы нежно смахнули снежинки с головы Линь Цинъюй. Глаза Е Си встретились с глазами Гао Лю, уголки его рта слегка приподнялись, а в глазах появился холодный огонек. Позади головы Линь Цинъюй, Е Си поднял большой палец вверх. Укажите на следующего.

Это убьет его... Гао Лю отпустил рукоять поясного ножа и взял бокал с вином в ответ на тост Хэ Дунпина.

У Ду Мина, сидевшего рядом с Гао Лю, потемнели глаза, но он только вздохнул в душе, затем поднял бокал с вином и сказал: "Двадцать лет назад девять наших братьев последовали за кораблем генерала, но сейчас осталось только шесть человек. Сегодня редко удается собраться

вместе, я занял место мастера Ханя, давайте вместе почтим бокал мастера!"

"Генерал Ду так сказал, тогда я, господин Чжу, тоже буду уважать главу дома". Чжу Вэйли улыбнулся и последовал за Ду Мином, несколько человек встали.

В начале осталось только шесть человек. Линь Цинъюй улыбнулся и встал с красными глазами. Он поднял бокал с вином и отпил из него. Он сказал: "Двадцать лет назад на корабле мы вместе пережили столько трудностей. В будущем у нас будет не меньше проблем. Здесь я желаю вам всем еще одной блестящей битвы и победы в Корее!".

Е Ши нажала рукой на то место, куда хотела снова налить вино, и улыбнулась: "Хозяин слишком мало пьет. Пожалейте меня и Е По. Вино за этим - одиннадцатого поколения, хорошо?"

Как только это было сказано, Гао Лю и остальные покачали головами и улыбнулись, наблюдая за ним. Они сели, и разговор пошел легче.

Блюда подносили, как текущую воду. С вершины горы можно было видеть смех и возню на набережной. Слуги в голубых рубашках курсировали между променадом, казалось, что они образуют голубую линию.

Брови Хань Ми нахмурились, так много слуг? Откуда в семье Хань столько слуг?

Несколько фейерверков взорвались в воздухе, вспыхнув ослепительными красками на фоне белого снега.

В этот момент лицо Хань Яня побледнело.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2575034>